

Чтобы понять великую драму революции, разрешившуюся восстанием Парижа 31 мая и «очищением» Конвента, нужно обратиться к писаниям самих жирондистов, почему-то до сих пор не замеченным историками. В этом отношении памфлеты Бриссо «Ж. П. Бриссо к своим избирателям» (23 мая 1793 г.) и «Ко всем республиканцам Франции» (24 октября 1792 г.) особенно поучительны¹.

«Вступая в Конвент, я думал, - пишет Бриссо, - что раз королевская власть уничтожена и вся власть находится в руках народа или его представителей, патриоты должны сообразовать свое поведение с изменившимся положением.

Я думал, что восстания должны прекратиться, потому что там, где не приходится свергать тирании, не должно быть и восстания»².

«Я думал, - пишет дальше Бриссо, - что только водворение порядка может восстановить спокойствие; что порядок заключается в религиозном уважении к законам, судьям и личной безопасности... Я думал поэтому, что порядок есть вместе с тем и настоящая революционная мера... Я думал, следовательно, что настоящие враги народа и республики - это анархисты, проповедники аграрного закона, возбудители бунтов»³.

«20 анархистов, - говорил Бриссо, - завладели в Конвенте влиянием, которое должно было бы принадлежать одному только разуму». «Следите за прениями и вы увидите, с одной стороны, людей, постоянно заботящихся о поддержке уважения к законам, к установленным властям, к собственности, а с другой - людей, постоянно старающихся возбуждать волнение в народе, подрывать доверие к установленной власти посредством клеветы, поощрять безнаказанность преступления и ослаблять все общественные связи»⁴.

Правда, среди тех, кого Бриссо называл «анархистами», были очень разнообразные элементы. Но у всех их была одна общая черта: все они не считали революцию законченной и поступали соответственно этому.

Они знали, что Конвент не сделает ничего, если его не будет толкать народ. Они организовывали поэтому народное восстание. В Париже они провозглашали верховную власть Коммуны, и вместе с тем они старались создать национальное единство не при помощи центрального правительства, а посредством установления прямых сношений между муниципалитетом и секциями Парижа и 36 тыс. коммун Франции.

Но именно этого-то жирондисты не хотели допустить.

«Я заявил с самого начала Конвента, - говорит Бриссо, - что во Франции существует партия дезорганизаторов, стремящаяся разрушить республику в самой ее колыбели. Сегодня я хочу доказать: 1) что это партия анархистов господствовала и господствует почти над всеми прениями Конвента и над всеми действиями Исполнительного совета; 2) что эта партия была и остается единственным источником всех бедствий, внутренних и внешних, удручающих Францию, и 3) что республику нельзя спасти иначе, как приняв строгие меры, чтобы вырвать представителей нации из рук этой деспотической бунтовской партии».

Для всякого, кто знает характер того времени, истинный смысл этих слов Бриссо ясен. Он просто-напросто требует гильотины для тех, кого он называет анархистами и кто, стремясь к продолжению революции и окончательной отмене феодального порядка, мешает буржуазии, а именно жирондистам, спокойно упрочивать в Конвенте правительство буржуазии, не спрашивая себя даже, чем кормится голодающий народ.

«Нужно, следовательно, дать точное определение этой анархии», - пишет представитель жирондистов, и вот его определение:

«Законы, остающиеся без исполнения, бессильная и униженная власть, безнаказанность преступления, нападение на собственность, нарушение неприкосновенности личности, извращение народной нравственности; ни конституции, ни правительства, ни юстиции - таковы черты анархии!»

Но не так ли именно происходят все революции? Точно Бриссо не знал этого и сам не делал того же самого до того времени, когда добрался до власти! В течение трех лет, от мая 1789 до 10 августа

¹ Английские враги республиканской революции вполне оценили эти памфлеты и переиздали их в Лондоне.

² *Brissot J. P.* A tous ses commettants. Londres, 1794, p. 7.

³ *Ibid.*, p. 8, 9.

⁴ *Ibid.*, p. 13.